

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-3-41-51

УДК 82-14

ТАЙГА КАК МАРКЕР РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПРОЗЕ А.М. БОНДАРЕНКО

Зырянова О.Н., Бахор Т.А., Мазурова Н.А.

Цель. *Статья посвящена проявлению региональной идентичности в прозе писателей Красноярского края. Объектом рассмотрения стали повести, роман и рассказы А.М. Бондаренко, посвященные малой родине, предметом – образ тайги как важнейший маркер региональной идентичности.*

Методология и методы проведения работы. *Основу исследования образуют герменевтический, структурно-семантический, сравнительно-сопоставительный методы.*

Результаты. *В статье показано, что тайга как маркер региональной идентичности в прозе А.М. Бондаренко, с одной стороны, соответствует общепринятому представлению о Сибири, актуализируя дихотомию «своей – чужой», с другой – ее семантика определена спецификой местного региона.*

Область применения результатов. *Материалы статьи могут быть использованы в образовательном процессе при чтении спецкурсов по региональной литературе.*

Ключевые слова: *дискурс; идентичность; тайга; дихотомия; региональная самоидентификация автора.*

TAIGA AS A REGIONAL IDENTITY MARKER IN THE PROSE BY A.M. BONDARENKO

Zyryanova O.N., Bakhor T.A., Mazurova N.A.

The aim. *The article considers regional identity in the prose of the Krasnoyarsk Territory writers. The object under consideration*

is the stories, the novel, and the short stories by A.M. Bondarenko, devoted to the writer's native place; the subject under consideration is the image of taiga as the most important marker of regional identity.

Methods and methodology of the work. *The basic research methods are hermeneutic, structural semantic, comparative methods.*

The results. *The article shows that taiga as a marker of regional identity in the prose by A.M. Bondarenko, on the one side, corresponds to the common stereotype of Siberia, emphasizing the dichotomy of 'friend-or-foe', and on the other side, its semantics is defined by the specificity of the region.*

The sphere of the results appliance. *The results of the research can be used in the special education courses in regional literature.*

Keywords: *discourse; identity; taiga; dichotomy; regional self-identity of the author.*

Кризис идентичности, связанный с глобализацией, обусловил «идентичность места» как более значимую систему координат, та как она «может поддерживать необходимые для самоидентификации человека эмоциональные или иные символистские опоры» [10, с. 216]. По словам Б. Осборна, «чувство места» также укоренено в персональной идентичности, как и осознание своей принадлежности к нему [16].

Пространственные маркеры становятся определяющими в характеристике «идентичности места». Близость к природе – одно из важных преимуществ жизни в Сибири, поэтому оказывает существенное влияние на формирование сибирской идентичности, «<...> природа при этом важна как сама по себе, так и в связи с культурой, когда территория неразрывно связана к культурной и духовной ценностью «своей земли» [1, с. 28].

Тайга как маркер региональной идентичности Приенисейской Сибири обозначена в работах по исследованию языковой картины мира [7, 12, 14], статьях, посвященных выявлению особенностей самоидентификации через лирический художественный

дискурс жителей данного региона [4, 8]. «Среди маркеров, воплощающих в поэтических текстах природу региона, необходимо, прежде всего, указать тайгу, которая в отличие от образа леса, встречающегося гораздо реже, выполняет более идентифицирующую функцию. <...> Образ тайги актуализирует в общей картине мира положительный имидж региона, акцентируя природность, естественность окружающей среды как экологически значимые свойства» [4, с. 111].

Почти все произведения А.М. Бондаренко, писателя Красноярского края, посвящены малой родине, ее природе, жителям. В.П. Астафьев в предисловии «Золотая россыпь» одной из книг писателя отмечает: «... о творчестве Алексея Бондаренко, енисейского охотника», акцентируя внимание на идентичности места, принадлежности малой родине и характере произведений – рассказов охотника-промысловика. Обращение известного сибирского писателя к воображаемому читателю: «... предлагаю побыть с охотником в приенисейской дивной тайге...» [2, с. 27], – также определяет локус приенисейской тайги как основной пространственной координаты прозы А.М. Бондаренко. Предметом рассмотрения в данной статье стал образ тайги как маркер региональной идентичности в таких произведениях А.М. Бондаренко как «Государева вотчина», «Шатун», «Маркелыч», «На промысел», «От самого Астафьева», «Случай в тайге», «Потерянная лыжня», «Малыш».

А.С. Янушкевич, определяя сибирский текст, указывает на историко-софскую и историко-культурную составляющую этого феномена, так как «... в процессе его описания и постижения сибирская – и шире русская – мысль пыталась осмыслить этот феномен на пересечении мифа и реальности, изнутри и извне, как определенную дихотомию» [15, с. 334]. С образом Сибири неразрывно связана прежде всего дихотомия «свой – чужой», на которой построены противоположные мифологические концепции о Сибири как «первозданном рае, обетованной земле» и «мире смерти, гибельном пространстве» [13]. Архетипическая оппозиция «свой –

чужой» проявляется во многих произведениях А.М. Бондаренко, но в большей степени она связана с исторической темой – освоением Сибири, временем прихода на ее земли русских служилых людей, что лежит в центре повествования в романе «Государева вотчина». Для пришлых людей тайга – «гиблое место», «глушь крошечная», «земля необетованная», «хмарь» [5]. Она «проверяет», и жестоко «испытывает» их на прочность, на возможность стать «своими». Так в начале повествования медведь, хозяин территории, заламывает казака, отделившегося от товарищей вглубь чащи, хозяин тайги, пренебрегшего простыми, суровыми условиями и правилами «места». В повести «Шатун» тоже медведь защищает тайгу от потребительского, варварского к ней отношения. В главе «Оборотень» описывается роковая встреча «хозяина тайги» с егерем Витюховским, которому чудится не медведь, а пропавший вздымщик Тимофей, обиженный егерем, в обличье зверя. Витюховский просит прощения у медведя-оборотня: «...Сам я стал, как пес паршивый, облик человеческий потерял. Жизнь проклятая заставляет крутиться: чем больше бегаю по тайге, тем приварка больше» [6, с. 117]. Образ медведя-оборотня, с одной стороны соотносим с мифологией народов севера о первопредке [11], поэтому потерявшийся, погибший, в тайге Тимофей принял внешний облик своего прародителя. С другой стороны, налицо парадокс: медведь «очеловечивается», «учит» слабого, грешного Витюховского нравственным законам, а человек теряет свой облик.

Образ медведя у А.М. Бондаренко – знаковый для тайги, для понимания ее законов, места человека в ней, что соотносится и с восприятием «малой родины» жителей Приенисейской Сибири, 16% опрошенных в анкетах при ответе на вопрос: «Какие ассоциации порождает у вас слово «Сибирь»?» написали медведя, при этом других животных названо не было [3].

Тайга в «Государевой вотчине» со временем открывается для пришлых людей с другой стороны: она не только учит их жизни в суровых условиях, но и становится привлекательной ее природа: «Помягчили их ретивые сердца, дух захватило от красоты и не-

имоверной силищи тайги» [5]. И тогда в дихотомии «свой – чужой» отношения меняются: для «чужого» тайга, а значит, и Сибирь становится вторым домом и они идентифицируют ее как русскую землю: «Это наша земля, русская» [5], – замечают герои. В повести «Шутун», повествующей о современной действительности, также тайга становится для приехавшего с Кубани Тимофея Верстакова родной: его, с одной стороны, тянет домой, к семье, с другой, – «давно приглянулись северные места», и разлука тяжела. То, что Тимофей так и не уезжает домой, «тайга не отпускает его», он теряется в тайге, превратившись, по мнению охотников, в медведя-оборотня, определяет его переход в «своего» для когда-то чуждой ему Сибири.

Образ тайги связан у А.М. Бондаренко с душевными переживаниями героя, что соотносимо с их традиционным звучанием в русском фольклоре и литературе Сибири (В.Г. Распутин, В.П. Астафьев). Для героя рассказов писателя – охотника-промысловика тайга, несмотря на жестокие законы, непредсказуемость и коварство – дом родной, она позволяет сохранить свое, личное, противостоять влиянию извне: «Здесь, в тайге, он был самым собой, таким, какой он есть, каким и должен быть свободный человек, зависимый лишь от обстоятельств: простым в обращении с людьми, чистым душой и открытым сердцем» [6, с. 110–111].

Сибирская идентичность проявляется в прозе писателя в особой близости к природе, мир тайги буквально «живет» в герое, заполняет его душу, тело, и разлука, расставание с ним – это тоже испытание, так как с этим связан мотив свободы, которая может исковеркать душу: «Уединенный, скрытный мир тайги еще долгое время живет во мне, медленно и трудно выходит, стараясь не ослабить тело, не исковеркать душу» [6, с. 315]. Разлука с тайгой подобна экзистенциальной разлуке с самим собой, и эта встреча может быть только временной, поэтому герой ищет в общении с природой то, что не может определить, «то, чего не терял» [6, с. 313]. Можно предположить, что это состояние поиска гармонии, которую сибиряку может дать только связь с природой.

В мифологии лес, тайга является материнским архетипом, так как она укрывает и защищает [10, с. 215]. Это смысловое наполнение образа характерно и для прозы А.М. Бондаренко. С одной стороны, у него тайга может быть «коварна», «своенравна», «непредсказуема», как женщина, она манит, не отпускает. Писатель сравнивает ее с девицей: «Смотрю на тайгу. С необъяснимой силой она снова потянула меня к себе, раскрылась просветами, загадочно улыбнулась золотыми лучиками в хвое, посвежевшая и помолодевшая, как девица» [6, с. 314]. С другой стороны, она выполняет и функцию женщины-матери, воспитывая, утешая, укрывая от мирских забот и проблем: «Разочарования тоже бывают... Вот тогда-то я снова, потеряв голову, бегу к тебе, тайга-утешительница, здесь скулю и плачу, жалуясь на судьбу, но крепчаю телом и духом» [6, с. 316].

Многозначное смысловое звучание образа тайги определяет двойственное самоопределение героя А.М. Бондаренко: с одной стороны, тайга делает его сильным духом и телом, способным выжить в суровых сибирских условиях, с другой стороны, она делает его слабым, так как он тоскует вдали от нее, теряя гармонию в душе, успокоенность.

Таким образом, анализ образа тайги в прозе А.М. Бондаренко показал, что данный маркер региональной идентичности реализует традиционное в фольклоре и литературе значение, включаясь в дихотомию «свой – чужой», а также определяет экзистенциальность звучания образа сибиряка, актуализируя не только такие качества, как суровость, стойкость, но и душевная ранимость, тоска по гармонии с природой, а значит гармонии с самим собой.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, Правительства Красноярского края, Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности в рамках научного проекта №16-14-24005.

Список литературы

1. Анисимова О.А., Ечевская Е.Г. Сибирская идентичность: предпосылки формирования, контексты актуализации: Монография. НГУ, 2012. 176 с.
2. Астафьев В.П. Золотая россыпь // Бондаренко А.М. Любовь и боль. Повести и рассказы. Красноярск: ПИК «Офсет», 2000. 528 с.
3. Бахор Т.А., Зырянова О.Н., Лобарева В.С. Ассоциативные поля как воплощение региональной самоидентификации // Инновационные технологии научного развития: сборник статей Международной научно-практической конференции (20 октября 2016 г., г. Казань). В 3 ч., Ч. 3/ Уфа: АЭТЕРНА, 2016. С. 83–84.
4. Бахор Т.А., Зырянова О.Н., Мазурова Н.А. Региональные гимны как форма актуализации основных маркеров идентичности в локальном тексте // Современные исследования социальных проблем. 2016, № 3–2 (27). С. 105–119.
5. Бондаренко А.М. Государева вотчина: В 3 кн. Красноярск: Офсет, 1999–2005.
6. Бондаренко А.М. Любовь и боль. Повести и рассказы. Красноярск: ПИК «ОФСЕТ», 2000. 528 с.
7. Васильева С.П. Русская топонимия Приенисейской Сибири: картина мира: Дис. ... доктора филол. наук: Красноярск, 2005. 327 с.
8. Веккесер М.В., Мамаева С.В., Славкина И.А., Шмультская Л.С. Проявление региональной самоидентификации автора в поэтическом дискурсе // Современные исследования социальных проблем. 2016, № 3–2 (27). С. 120–134.
9. Еремина Е.В. Региональная идентичность в контексте социологического анализа // Регионология. 2011. №3. С. 216–222. URL: <http://regionsar.ru/node/781?page=0,0> (дата обращения 22.08.2017).
10. Жульен Надя. Словарь символов. Челябинск: Урал LTD, 1999. 498 с.
11. Иванов В.В., Топоров В.Н. Медведь // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. / Гл. ред. С.А. Токарев. М.: рос. энциклопедия. Т.2. С. 128–130.
12. Мамаева Т.В. Метафорические наименования как отражение языковой картины мира охотников и рыбаков Приенисейской Сибири

- // Приенисейская Сибирь как лингворегион. Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2010. С. 177–180.
13. Тюпа В.И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. №. 1. С. 27–35.
 14. Шмутьская Л.С., Славкина И.А., Веккесер М.В., Мамаева С.В. Отражение территориальной идентичности в письменных работах школьников // Успехи современной науки. 2016, №9, том 4. С. 67–69.
 15. Янушкевич А.С. Дихотомия сибирского текста // Евроазиатский межкультурный диалог: «свое» и «чужое» в национальном самосознании культуры: сб. статей / Под. ред. О.Б. Лебедевой. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2007. С. 334–345.
 16. Osborne B.S. Landscapes, Memory, Monuments and Commemoration: Putting Identity in Its Place, DRAFT, 2001. Режим доступа: URL: <http://canada.metropolis.net/events/ethnocultural/publications/putinden.pdf> (дата обращения: 21 августа 2016 г.).

References

1. Anisimova O.A., Echevskaya E.G. *Sibirskaya identichnost: predposylki formirovaniya, konteksty aktualizacii* [Siberian identity: the prerequisites of formation, contexts of actualization]. NGU, 212. 176 p.
2. Astaf'ev V.P. Zolotaya rossyp [Gold placers]. Bondarenko A.M. *Lyubov i bol. Povesti i rasskazy* [Bondarenko A.M. Love and pain. Stories and stories]. Krasnoyarsk: PIK «Ofset», 2000. 528 p.
3. Bahor T.A., Zyrjanova O.N., Lobareva V.S. Associativnye polja kak voploshhenie regional'noj samoidentifikacii [Associative fields as an embodiment of regional self-identification]. *Innovacionnye tehnologii nauchnogo razvitiya: sbornik statej mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Innovative technologies of scientific development: a collection of articles of the international scientific-practical conference]. Ufa, 2016, pp. 83–84.
4. Bahor T.A., Zyryanova O.N., Mazurova N.A. Regional'nye gimny kak forma aktualizacii osnovnyh markerov identichnosti v lokal'nom tekste

- [Regional anthems as a form of updating the main identity markers in the local text]. *Sovremennye issledovaniya social'nyh problem*. 2016, no 3–2 (27), pp. 105–119.
5. Bondarenko A.M. *Gosudareva votchina* [Sovereign patrimony]: V 3 kn. Krasnoyarsk: Ofset, 1999–2005.
 6. Bondarenko A.M. *Lyubov' i bol'*. [Love and Pain]. Povesti i rasskazy. Krasnoyarsk: PIK «Ofset», 2000. 528 p.
 7. Vasil'eva S.P. *Russkaya toponimiya Prienisejskoj Sibiri: kartina mira* [Russian toponymy of the Yenisei Siberia: picture of the world]. Krasnoyarsk, 2005. 327 p.
 8. Vekkesser M.V., Mamaeva S.V., Slavkina I.A., Shmul'skaja L.S. Projavlenie regional'noj samoindetifikacii avtora v pojeticheskom diskurse [The manifestation of the author's regional self-identification in poetic discourse]. *Sovremennye issledovaniya social'nyh problem*, 2016, no 3–2 (27), pp. 120–134.
 9. Eremina E.V. *Regionalnaya identichnost v kontekste sotsiologicheskogo analiza* [Regional identity in the context of sociological analysis]. *Regionologiya*, no 3 (2011): 216–222. URL: <http://regionsar.ru/node/781?page=0,0> (accessed August 22, 2017).
 10. Zhul'en Nadya. *Slovar' simvolov* [Dictionary of symbols]. Chelyabinsk: Ural LTD, 1999. 498 p.
 11. Ivanov V.V., Toporov V.N. Medved' [Bear]. *Mifyi narodov mira* [Myths of the peoples of the world]. Encyclopedia / S.A. Tokarev. M.: Ros. entsiklopediya. V.2, pp. 128–130.
 12. Mamaeva S.V. *Prieniseyskaya Sibir' kak lingvoregion* [Prieniseyskaya Siberia as a linguistic region]. Krasnoyarsk: KGPU im. V.P. Astaf'eva, 2010, pp. 177–180.
 13. Tyupa V.I. Mifologema Sibiri: k voprosu o «sibirskom tekste» russkoj literatury [Mythology of Siberia: to the issue of the 'Siberian text' of the Russian literature]. *Sibirskij filologicheskij zhurnal*. 2002, no 1, pp. 27–35.
 14. Shmul'skaja L.S., Slavkina I.A., Vekkesser M.V., Mamaeva S.V. Otrazhenie territorial'noj identichnosti v pis'mennyh rabotah shkolnikov [Reflection of territorial identity in written works of schoolchildren]. *Uspehi sovremennoj nauki*, no 9, V. 4, 2016, pp. 67–69.

15. Yanushkevich A.S. Dihotomiya sibirskogo teksta [Dichotomy of the Siberian text]. *Evroaziatskij mezhkul'turnyj dialog: «svoe» i «chuzhoe» v nacional'nom samosoznanii kul'tury* [Euro-Asian intercultural dialogue: “one’s own” and “another’s” in the national consciousness of culture] / O.B. Lebedeva (ed.). Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 2007, pp. 334–345.
16. Osborne B.S. Landscapes, Memory, Monuments and Commemoration: Putting Identity in Its Place, DRAFT, 2001. <http://canada.metropolis.net/events/ethnocultural/publications/putinden.pdf> date of the (accessed August 22, 2017).

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Зырянова Ольга Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, литературы и истории *Лесосибирский педагогический институт – филиал Сибирского федерального университета*
ул. Победы, 42, г. Лесосибирск, Красноярский край, 662543,
Российская Федерация
onzyryanova@mail.ru

Бахор Тамара Андреевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, литературы и истории *Лесосибирский педагогический институт – филиал Сибирского федерального университета*
ул. Победы, 42, г. Лесосибирск, Красноярский край, 662543,
Российская Федерация
tamarales@mail.ru

Мазурова Надежда Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, литературы и истории *Лесосибирский педагогический институт – филиал Сибирского федерального университета*
ул. Победы, 42, г. Лесосибирск, Красноярский край, 662543,
Российская Федерация
nadezhda.mazurova.59@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Zyryanova Ol'ga Nikolaevna, Ph.D.in Philology, Associate Professor
at the Department of Russian Language, Literature and History
*Lesosibirsk Pedagogical University – affiliated branch of Siberian
Federal University*
42, Pobedy Str., Lesosibirsk, Krasnoyarsky kray, 662544, Russian
Federation
onzyryanova@mail.ru

Bakhor Tamara Andreevna, Ph.D.in Philology, Associate Professor
at the Department of Russian Language, Literature and History
*Lesosibirsk Pedagogical University – affiliated branch of Siberian
Federal University*
42, Pobedy Str., Lesosibirsk, Krasnoyarsky kray, 662544, Russian
Federation
tamarales@mail.ru

Mazurova Nadezhda Alekseevna, Ph.D.in Philology, Associate Profes-
sor at the Department of Russian Language, Literature and History
*Lesosibirsk Pedagogical University – affiliated branch of Siberian
Federal University*
42, Pobedy Str., Lesosibirsk, Krasnoyarsky kray, 662544, Russian
Federation
nadezhda.mazurova.59@mail.ru